

Проблемы внешней политики фашистской Италии в исследованиях Ренцо Де Феличе

Опрос, проведенный левобуржуазным журналом «Эспрессо» в 1983 г. на тему, кто из деятелей культуры наиболее повлиял на привитие интереса к истории, вывел Ренцо Де Феличе в десятку ведущих наряду с деятелями уровня мировой культуры Мандзонни, Де Санктисом, Кроче. Интересно отметить, что Де Феличе опередил таких маститых историков, как Л. Сальваторелли, Ф. Шабо, Р. Ромео, Л. Валиани, писателя Л. Шаша¹. Не делая глубоких обобщений по поводу опроса, отметим, что он констатировал определенный общественный резонанс на исследования итальянского историка.

Профессор Римского университета редактор журнала «Стория контемпоранеа (Современная история)» Р. Де Феличе известен скорее как исследователь внутренней политики итальянского фашистского режима. Именно эта сторона его работ вызывает наиболее жаркие споры в итальянской историографии², в то время как концепция внешней политики фашизма в его работах не стала предметом специального анализа со стороны исследователей-марксистов. Основные положения концепции. Де Феличе используются в работах его учеников и последователей М. Маццетти, Ф. Перфетти, Л. Голиа, Р. Квартараро³.

В данной статье обращается внимание на те работы Де Феличе, в которых рассматриваются вопросы внешней политики фашистской Италии⁴.

¹ L'Espresso, 1983, 6 nov., p. 101.

² Подробнее об этом см.: Михайленко В. И. Итальянская историография о происхождении и сущности фашизма. Свердловск, 1985, с. 62—68.

³ Нашу совместную с В. А. Кузьминым рецензию на книгу Р. Квартараро «Рим между Лондоном и Берлином» см.: Новая и новейшая история, 1983, № 3, с. 201—205.

⁴ De Felice R. Alle origini del Patto d'Acciaio.— In: Cultura, 1963, N 5, p. 524—538; I dem. Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1965; I dem. Mussolini il fascista. Torino, 1966, t. 1; 1968, t. 2; I dem. Mussolini il duce. Torino, 1974, t. 1; 1981, t. 2; I dem. Alcune osservazioni sulla politica estera mussoliniana.— In: L'Italia fra tedeschi e alleati. La politica estera fascista e la seconda guerra mondiale. Bologna, 1973; I dem. Mussolini e Hitler. I rapporti segreti, 1922—1933. Firenze, 1975; I dem. Intervista sul fascismo. Roma; Bari, 1976; I dem. Il problema dell'Alto Adige nei rapporti italo-tedeschi dall'Anschluss alla fine della seconda guerra mondiale. Bologna, 1973; I dem. Ebrei in un paese arabo. Gli ebrei nella Libia contemporanea tra colonialismo, nazionalismo arabo e sionismo, 1835—1970. Bologna, 1978; De Felice R., Golia L. Storia fotografica del fascismo. Roma; Bari, 1981.

Претензию на концептуально-методологическое переоснащение буржуазной историографии в Италии сформулировал сам Де Феличе, утверждая, что все предшествующие интерпретации фашизма отличались «крайней идеологизацией и политической инструментализацией», отсюда они необъективны и себя исчерпали⁵. В полной мере он относит эту позицию к оценке историографии внешней политики. В этой связи заслуживает внимания оценка прогрессивного историка М. Палла относительно концептуального родства исследований Де Феличе по внешней политике с освещением этой темы англо-американской «ревизионистской школой», к которой относят Тейлора, Клейна, Робертсона⁶.

Рассмотрим основные принципы концепции внешней политики фашистской Италии в исследованиях Р. Де Феличе, отправным пунктом которой является посылка, что поскольку Муссолини никогда не писал «программы действий» типа гитлеровской «Майн кампф», то следует исключить наличие у итальянского фашизма какой-либо внешнеполитической программы как к моменту прихода к власти, так и в дальнейшем⁷.

Действительно, итальянский фашизм не оставил документа, в котором четко по пунктам, по числам и направлениям была бы сформулирована его внешнеполитическая программа. Да и можно ли было подобное ждать от фашизма, который вдохновлялся иррациональными идеями и мистицизмом, полагался на интуитивизм дуче и провидение, являлся выразителем интересов худосочного империализма, агрессивного, но скованного в самостоятельных действиях?

Отмечая это, вместе с тем нельзя не указать на присутствие некоторых «постоянных величин» во внешней политике фашизма. Приведем некоторые примеры из анализа Дж. Руми фашистской прессы.

Фашистский орган «Пополо д'Италия» 11 октября 1919 г. в статье «Программа» провозгласил лозунг борьбы за «динамичную внешнюю политику, отличающуюся от той, которая направлена на стабилизацию гегемонии нынешних плутократических государств». Та же газета писала 1 января 1920 г.: «Корабль войны — лучший внешнеполитический инструмент... если хотите что-то значить в мире». В этот же период в фашистской прессе формулировались внешнеполитические притязания на Фиуме, Далмацию, Корсику, Ниццу, Савойю, Мальту, на территории в Африке и Леванте, на гегемонию в бассейне Адриатики.

⁵ De Felice R. Il fenomeno fascista.— In: Storia contemporanea, 1979, N 4—5, p. 631.

⁶ Palla M. Mussolini il fascista numero uno.— In: Studi storici, 1982, N 1, p. 25, 42, 48.

⁷ De Felice R. Mussolini il duce, t. 1, p. 331.

26 января 1920 г. Муссолини писал: «Мы выдвигаем два пункта ревизии: контрибуции и колонии». За полгода до прихода его к власти фашистский орган писал: «Мы грезим о Романской Италии, т. е. о великой, сильной, дисциплинированной и имперской»⁸. Дж. Руми справедливо замечает, что в «прошлые имперские одежды облакались актуальные итальянские притязания». Во внешнеполитической концепции фашизма он выделяет: экспансию, величие, империю⁹.

Нельзя сказать, что Де Феличе вообще отмежевывается от изучения разработок внешнеполитических вопросов фашистским движением. Однако он принижает их значение и связь с последующей деятельностью фашистского режима в этой области. Он утверждает, что до «похода на Рим» Муссолини рассматривал внешнюю политику в качестве «важного демагогического элемента, подчиненного его политической игре»¹⁰.

Де Феличе выделяет два периода во внешней политике фашистской Италии — «национальных интересов» и «идеологических интересов», рубеж между которыми он проводит в 1929—1930 гг. В первый период, по мнению Де Феличе, изменения коснулись лишь «стиля» внешней политики. Он полностью солидарен с оценкой внешней политики фашизма в этот период, которая прозвучала в высказывании госсекретаря США Стимсона. Муссолини «в эти годы был ответственным и полезным руководителем внешней политики, не более агрессивным в своем национализме, чем многие другие деятели демократических государств»¹¹. Не будет преувеличением сказать, что эта установка распространяется итальянским исследователем на весь период фашистского режима. «Не только в эти годы, но и всегда Муссолини исключал возможность конфликта в Европе», — утверждает Де Феличе. В первый период у Муссолини «отсутствовали какие-либо серьезные намерения в области военных приготовлений», а некоторые первые ревизионистские тенденции в фашистской внешней политике он связывает лишь с итало-венгерским договором 1927 г.¹² Утверждения о «пацифизме» и «миролюбии» Муссолини соседствуют в работах Де Феличе с признанием им подготовки итальянского фашизма к «локальным» войнам колониального характера.

Еще более неубедительны попытки итальянского исследователя доказать «миролюбивые» намерения Муссолини в связи с тем, что он не успел решить поставленную задачу «воспитания новых поколений более многочисленных, физически сильных и образованных соответственно с фашистской моралью». Поскольку эта задача не была решена, реализация всех его «наиболее

⁸ Rumi G. L'imperialismo fascista. Milano, 1974, p. 18—28.

⁹ Ibid., p. 29.

¹⁰ De Felice R. Mussolini il duce, t. 1, p. 332—333.

¹¹ De Felice R. Alcune osservazioni..., p. 62.

¹² Ibid., p. 63.

амбициозных и грандиозных проектов» была отложена на более отдаленные годы¹³. На этом, прямо скажем, зыбком фундаменте Де Феличе воздвигает свой важный вывод о том, что «вплоть до «стального пакта», а возможно, и даже до весны 1940 г., вплоть до крупных германских побед на Западе, Муссолини, несмотря ни на что, не сделал предварительного выбора»¹⁴.

Из этого вывода вытекает, что установление политического союза оси Рим — Берлин, совместная итало-германская интервенция против республиканской Испании, присоединение Италии к антикоминтерновскому пакту, наконец, заключение военно-политического союза «стального пакта» не изменили внешнюю политику фашистской Италии, ее внешнеполитическую концепцию «пезо детерминанте».

Де Феличе первым из исследователей восстановил в послевоенный период это определение, которое было введено в оборот фашистскими деятелями Д. Гранди и Р. Гуарилья. На русский язык его можно перевести как «решающий вес (гирька)». Какой смысл вкладывает Де Феличе в концепцию «пезо детерминанте»? Он полагает, что Италия, не являясь великой державой, для достижения подлинного успеха во внешней политике должна была либо опираться на помощь подлинно великой державы, либо использовать противоречия между великими державами. Первый вариант Муссолини якобы не мог принять в силу «престижных соображений». Второй, под названием «пезо детерминанте», Де Феличе абсолютизирует, представляя его в качестве *стратегической цели* итало-фашистского руководства. По его утверждениям, внешняя политика фашизма базировалась на европейском равновесии, на равном дистанцировании Рима от Лондона и Берлина, на равной заинтересованности Рима в укреплении отношений с Англией, Францией и Германией. Под этим углом он рассматривает становление итало-германских отношений после прихода нацистов к власти, отводя им роль «восстановления второго полюса, без которого Италия не смогла бы выполнить свою роль в политике «пезо детерминанте»¹⁵.

Сравним тот смысл, который Де Феличе вкладывает в концепцию «пезо детерминанте», с заявлением Д. Гранди от 3 марта 1931 г. Выступая в Большом фашистском совете, министр иностранных дел сказал: «Речь идет о том, чтобы спокойно выжидать. Время работает на нас. Мы еще не протагонисты европейских дел. Но главные действующие лица не могут обойтись без нас. К Италии обратятся, и это произойдет на следующий день после того, как военное оснащение нации будет за-

¹³ De Felice R. Alcune osservazioni..., p. 64.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid., p. 65.

вершено, чтобы решить вопрос о победе или поражении. Итальянская политика есть политика «пезо детерминанте». «Со всеми вместе или против всех», — уточнял Гранди в письме главе правительства¹⁶.

Даже при самом богатом воображении трудно интерпретировать эти слова высокопоставленного фашистского руководителя в качестве доказательства его стремления к «европейскому равновесию». Более точно — как политику шантажа — характеризует эти действия исследователь Дж. Руми¹⁷. В любом случае речь шла о выборе средства для достижения цели, но не о самой стратегической цели. Заслуживает внимания оценка Дж. Сантомассимо тезисов Де Феличе о «политике национальных интересов» и «идеологических интересов». Во-первых, он обращает внимание на попытки Де Феличе рассматривать внешнюю политику как сумму двусторонних отношений Италии с отдельными капиталистическими странами, упуская при этом из виду весь сложный комплекс международных отношений. Так, «политику национальных интересов» он почти целиком связывает с поиском Римом «глобального соглашения» с Францией. На самом деле эта политика отвечала интересам Англии и Италии с целью ограничения французской гегемонии на европейском континенте. Иначе, чем у Де Феличе, выглядела «антигерманская» линия политики Италии в начале 30-х гг. «Пакт четырех» менее всего был направлен против Германии. В действительности он был обращен против державы, о которой Де Феличе даже не упомянул, т. е. Советского Союза. Антисоветская тенденция в политике фашизма, заключает Сантомассимо, была вызвана не стремлением противодействовать коммунистической пропаганде, как об этом пишет Де Феличе, а являлась особенностью политики итальянского империализма, заинтересованного в том, чтобы ориентировать германский экспансионизм на Восток, в сторону от дунайско-балканской сферы итальянского проникновения. Этой логикой в отношении Германии руководствовался Муссолини вплоть до эпилога своей авантюристической деятельности¹⁸.

Де Феличе использует понятие «империализм» при характеристике внешней политики фашистской Италии, однако выхолащивает его содержание. «Империализм (не только и не обязательно) «аристократический и военный», но также «демократический, пацифистский, экономический и духовный» — такое содержание вкладывает Де Феличе в это понятие — был для Муссолини «вечным и неизменным законом жизни»¹⁹. Столь препарированное понятие «фашистский империализм» он низводит

¹⁶ Ibid., p. 65—66.

¹⁷ Rumi G. L'imperialismo fascista, p. 25.

¹⁸ Santomassimo G. Il fascismo degli anni trenta.— In: Studi storici, 1975, N 1, p. 123.

¹⁹ De Felice R. Alcune osservazioni..., p. 58—59.

исключительно до уровня социал-дарвинистских устремлений Муссолини.

Де Феличе не ставит и не пытается ставить вопрос о характере, природе, сущности и особенностях итало-фашистского империализма, не связывает его с интересами промышленно-финансовой олигархии, не пытается определить его место в мировой империалистической системе. Из исследований Де Феличе вытекает, что фашистская Италия играла «независимую», «автономную» роль великой державы, во что, думается, и сам итальянский исследователь не верит.

В этой связи привлекает внимание исследование Дж. Мори. Он считает, что стремление Италии освободиться от экономической зависимости от США поставило перед итало-фашистским руководством сложные задачи самостоятельного поиска рынков экспорта и сырья, которые итальянский империализм предполагал решить при помощи завоевания хотя бы минимального жизненного пространства и при опоре на нацистскую Германию. Дж. Мори указывает на неизбежное пересечение в этом случае итальянских экономических интересов с английскими и французскими²⁰.

Дж. Кароччи обращает внимание на усиление итальянского промышленного экспорта на азиатский, африканский и балканский рынки с середины 20-х гг. Впервые в марте 1926 г. Муссолини сформулировал программу дунайско-балканской экспансии²¹. Одновременно происходит сокращение итальянского экспорта во Францию, Великобританию и ее имперские владения, в США²². Видимо, это было связано в первую очередь с объективными препятствиями, с которыми столкнулся итальянский капитал на закрытых рынках развитых стран. За редким исключением, к которому Кароччи относит положение дел в «Сниавискоза», «Монтекатини», итальянские компании не были включены в международные производственные, сбытовые и сырьевые картели, в закрытые международные рынки. Он пишет, что мощный франко-германский металлургический картель наводил страх на итальянские металлургические компании²³.

Протекционистские мероприятия правительства ограждали итальянскую экономику от иностранной конкуренции, но это не являлось решением проблем. Например, министр экономики упрекал итальянские деловые круги в том, что они не создают промышленность, которая «не нуждалась бы в правительственной опеке»²⁴.

²⁰ Mori G. Processo d'industrializzazione e storia d'Italia.— In: Belfagor, a. 29, fasc. 6, p. 626.

²¹ Carocci G. Appunti sull'imperialismo fascista negli anni'20.— In: Studi storici, 1967, N 1, p. 126—127.

²² Guarneri F. Battaglie economiche. Milano, 1953, v. 1, p. 245.

²³ Carocci G. Appunti sull'imperialismo..., p. 118—119.

²⁴ Gerarchia, 1927, N 4, p. 300.

Как повлиял мировой экономический кризис 1929—1932 гг. на усилия правительства и монополий пробить себе дорогу на мировой рынок? К каким структурным сдвигам в экономике он привел? Как изменились отношения между политической властью и отдельными группами промышленно-финансовой олигархии?

Де Феличе не связывает внутреннюю и тем более внешнюю политику с интересами господствующих экономических сил. На рубеже 20—30-х гг., пишет Де Феличе, фашизм был «в значительной степени независим от крупных экономических сил» и «подтвердил преобладание политики над экономикой»²⁵. Отсюда итальянский исследователь представляет колониальный экспансионизм и военные авантюры как следствие внутренней нестабильности режима, вызванной поражением «корпоративного, подлинно революционного фашизма» и с целью оправдания «личной диктатуры» Муссолини игнорирует при этом интересы экономических сил в проведении внешней политики фашизма.

В советской литературе на особенности взаимоотношений между крупным капиталом и политической надстройкой обратил внимание Г. С. Филатов в своих исследованиях итальянского фашизма²⁶.

Де Феличе в первом томе редактируемой им «Истории Италии» полемизирует с исследователями, уделяющими, по его мнению, слишком много внимания экономическим силам. Он противопоставляет им свою точку зрения, согласно которой политические и социальные события «существуют сами по себе», имеют «собственную автономию»²⁷. Отвечая Де Феличе, Н. Транфалья указывает на «неформальную связь между экономикой, социологией, правом, антропологией, психологией...»²⁸.

В. Кастроново, автор фундаментальной работы о туринском гиганте Аньелли, обратил внимание на глубокие интеграционные связи ФИАТ с промышленно-финансовыми кругами США. На «дрожжах» американских инвестиций и при научно-техническом сотрудничестве с «Фордом» и «Дженерал моторз» итальянская автомобильная промышленность выдвинулась на передовые позиции в Европе. С начала 30-х гг. при поддержке фашистского государства Аньелли добился успехов на рынках стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где, однако, итальянский экспорт столкнулся с нарастающей конкуренцией прежде всего со стороны Германии. В. Кастроново отмечает явное недовольство Аньелли действиями государства, оказавшегося

²⁵ De Felice R. Mussolini il duce, t. 1, p. 325.

²⁶ Филатов Г. С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984, с. 32—33.

²⁷ Storia d'Italia, Napoli, 1976, v. 1, p. 2—3.

²⁸ Il Mondo contemporaneo. Firenze, 1978, v. 1, p. XV.

слишком слабым, чтобы закрепить экономическую экспансию мощной финансовой поддержкой²⁹.

В. Кастроново считает, что нельзя говорить о «единой политической стратегии крупных итальянских промышленников». Он выделяет два течения. Первое, наиболее близкое политической власти, он связывает с банковским капиталом, машиностроительными, металлургическими, химическими и электротехническими компаниями. Оно было заинтересовано в колониальной экспансии и дальнейшем углублении итало-германского сотрудничества. Эту линию поддерживали мелкие и средние собственники текстильных предприятий, ремесленники, спекулянты недвижимостью и другие средние слои, рассчитывавшие поправить свои дела за счет обслуживания новых колониальных владений и получения из них дешевого сырья.

Другую линию экспансионистской стратегии он связывает с ФИАТ и «Сниа-вискоза». Эти «капитаны» индустрии проявляли заинтересованность в продолжении диалога с американскими и западноевропейскими кругами. Вместе с тем Кастроново указывает на узкие рамки их «разногласий» с политическим руководством. Аньелли, получая максимальные прибыли, поддерживал фашистскую диктатуру и план «регулирования экономики», основанный на связи между автаркией и экономической подготовкой к войне. «Развод» их произошел только тогда, когда война была фактически проиграна³⁰.

Под влиянием экономического кризиса усилилось государственное вмешательство в экономику. По мнению Н. Транфалья, оно стало возможным в результате компромисса между крупными финансово-промышленными группами и высшей государственной бюрократической верхушкой³¹. В любом случае сложились условия для более тесного взаимодействия политической надстройки и крупного частного капитала³². Дж. Роша обратил внимание на связь между усилением государственного регулирования экономики и щедрыми правительственными расходами из общественных фондов в обход законов об их регламентации на ведение колониальной войны в Африке³³.

Для преодоления кризиса, полагает Сантомассимо, итальянский фашизм стремился к военным авантюрам³⁴. Э. Сантарелли связывает с этим периодом включение Италии в «запоздалый» колониальный процесс³⁵. Слабостью итальянского импе-

²⁹ Castronovo V. Potere economico e fascismo.— In: Rivista di storia contemporanea, 1972, N 3, p. 298—299.

³⁰ Ibid., p. 300—301, 306.

³¹ Tranfaglia N. Sul regime fascista negli anni trenta.— In: Fascismo e capitalismo. Milano, 1976, p. 193.

³² Castronovo V. Potere economico e fascismo, p. 296.

³³ Rochat G. Militari e politici nella campagna d'Etiopia. Studio e documenti, 1932—1936. Milano, 1971, p. 106—107.

³⁴ Santomassimo G. Il fascismo degli anni trenta, p. 123.

³⁵ Santarelli E. Fascismo e neofascismo. Roma, 1974, p. 148.

риализма, его неспособностью завоевать экономические позиции, используя «неомеркантилистские» средства, Дж. Кароччи объясняет причины использования «архаичных», «наиболее дорогостоящих форм» экспансии. Стремление создавать своеобразные «охотничьи заповедники», т. е. зоны единоличного доминирования в определенных районах, пишет он, было типичным для страны с ограниченными капиталами³⁶.

Освещению колониальной политики фашизма Де Феличе отводит важное место в своих работах. Он считает, что «фашистский колониальный империализм является не второстепенным аспектом более общего процесса фашизма и его истории, не просто приложением к внешней, военной или экономической политике, но *определяющим* (выделено мной.— В. М.) элементом империалистической политики и мощи фашистского государства, с автономной спецификой, которая вытекала из эволюции самой колониальной реальности»³⁷.

Исходя из этой оценки можно предположить, что ее автор относит итальянский империализм к «колониальному типу». Подобное утверждение, не являясь бесспорным, вместе с тем имело бы свою логику. В таком случае было бы целесообразно рассмотреть вопросы внешней, внутренней, экономической и военной политики под углом колониальных устремлений фашизма. Однако у Де Феличе и этого нет. Он делает упор на «автономную специфику» колониальной политики, отрывает ее от экономики и внешней политики. Единственную связь он прослеживает лишь по линии внутренней политики, где указывает на взаимосвязь идеологической, политической и административной реорганизации в метрополии с изменениями в управлении колониями.

Этот принцип положен и в основу периодизации колониальной политики фашизма. Де Феличе выделяет первый «переходный» (1922—1926) период. Поскольку, по его мнению, фашисты в первые годы у власти не имели ясной колониальной программы, ее осуществляли националисты. В этом он видит фактор преемственности традиционного итальянского империализма и фашистского. Отличие колониальной политики либералов и фашистов он видит в том, что первые делали ставку на силу, а вторые стремились «просто к восстановлению власти метрополии над местными колониальными народами».

Что он имел в виду, становится ясно при рассмотрении особенностей колониальной политики фашизма в выделяемый им второй период (1927—1936), в который произошло «определение» фашистской колониальной политики. «Поворотным» моментом он рассматривает визит Муссолини в Ливию в апреле 1926 г. Вслед за ним произошла фашизация руководящих орга-

³⁶ Carocci G. Appunti sull'imperialismo..., p. 126, 136—137.

³⁷ De Felice R., Golia L. Storia fotografica del fascismo, p. XXVI.

нов и общественно-политической жизни колоний; началась разработка фашистской экспансионистской идеологии и определение направлений колониальной экспансии. Взоры Италии обратились в сторону Средиземноморского бассейна, Северной и Восточной Африки, Красного моря, Йемена и Эфиопии. Но основным средством достижения колониальных целей являлся «мирный ревизионизм». Де Феличе вынужден признать, что «решающий поворот» в колониальной политике произошел в 1934 г. в связи с решением о войне против Эфиопии. Однако это в высшей степени важное событие не отразилось на периодизации.

Третий период «апогея и вызревания» (1936—1940) колониальной политики Де Феличе связывает с ее оформлением и практической реализацией. Он выделяет четыре признака оформления фашистской колониальной политики: непосредственное руководство со стороны правительства в подчеркнуто жесткой форме; расовые законы 1938 г. и вытекавшие из них мероприятия; демографическая колонизация; распространение корпоративного сектора на экономику колоний, поднятие роли фашистской идеологии и партии в колониях, создание молодежного сектора фашистских туземных организаций с целью организации консенсуса среди местного населения, подбора местной элиты для замещения мест в гражданской и военной администрациях.

Четвертый период «войны и поражения в Африке» (1940—1943) Де Феличе считает интересным в плане изучения проблемы фашистской организации колониального мира или утверждения «нового колониального порядка». Однако и эту, несомненно, важную тему он сводит исключительно к вопросам организации колониального управления³⁸.

Изучение проблем управления колониями, организации идеологической обработки колонизируемых народов имеет научный интерес. Однако в исследованиях Де Феличе эти вопросы затевают представление об особенностях самой колониальной политики фашизма.

Освещению вопроса об итальянской агрессии против Эфиопии отведены в многотомной биографии Муссолини две главы объемом свыше двухсот страниц, обильно насыщенных архивным материалом. В этой части своего исследования Де Феличе ставит амбициозные задачи осуществить «революцию» в историографии. Суть его замысла сводится к тому, что Муссолини якобы заключал свои планы относительно Эфиопии в «миротворческие рамки по крайней мере в отношении великих европейских держав». Вину за «вынужденное» военное решение конфликта он возложил на эфиопскую сторону, отказавшуюся принять итальянские условия, и на Лондон, отмежевавшийся в конечном итоге от плана Хора — Лавала. «Против собствен-

³⁸ De Felice R., Golia L. *Storia fotografica del fascismo*, p. XV, XX—XXV.

ного желания», чтобы не допустить анархии в стране, покинутой собственным правительством, итальянцы были вынуждены стереть с географической карты независимое африканское государство. Де Феличе принижает роль фашистских жестокостей, нарушение международных прав в отношении колонизируемых народов³⁹.

Де Феличе не ставит вопрос о чьей-либо ответственности за развязанный конфликт в Эфиопии, который, по его словам, произошел «определенно вопреки воле Муссолини и Лавалья и тем более англичан». Он ясно дает понять, что не разделяет «экстремистскую» позицию известного историка Сальвемини в отношении западных держав, на которые тот возлагает значительную долю вины за итало-фашистскую агрессию⁴⁰.

Казалось бы, один только факт совместной агрессии держав оси против республиканской Испании должен был до основания потрясти концепцию «пезо детерминанте» Де Феличе, краеугольным камнем которой является посылка, что Италия не ведет европейской войны. Несмотря на это, Де Феличе утверждает, что «испанские события не означали отказа от политики «пезо детерминанте», так как Италия якобы «случайно» оказалась вовлеченной в интервенцию⁴¹. Произошло это по вине зятя Муссолини министра иностранных дел Г. Чиапо, который стремился самоутвердиться на новом посту, показать, что он не только родственник дуче, но и располагает собственной внешнеполитической стратегией⁴².

Имеется в арсенале Де Феличе еще одно объяснение итальянской интервенции. В 1977 г. издательство «Латерца» опубликовало книгу молодого американского исследователя Дж. Ковердейла «Итальянские фашисты в испанской войне». Предисловие к ней написал Р. Де Феличе. Следует заметить, что в итальянское издание внесены существенные изменения концептуального порядка, а также добавлены новые документы. Как отмечает сам автор, произошло это после консультации с Де Феличе. В данной статье внимание обращено на предисловие, в котором достаточно четко выражена позиция Де Феличе по рассматриваемому вопросу.

Исследователь объясняет итало-фашистскую интервенцию в Испании причинами исключительно военно-стратегического характера, связывает агрессию Италии с позицией Франции. Он утверждает, что фашистская Италия не только не была причастна к подготовке и осуществлению франкистского переворота, но и решение об интервенции было принято лишь после того, как поступило сообщение о помощи Франции республиканскому

³⁹ De Felice R. Mussolini il duce, t. 1, cap. 6.

⁴⁰ De Felice R. Alcune osservazioni..., p. 69.

⁴¹ Ibid., p. 70.

⁴² Espresso, 1980, 8 giugno, p. 171; De Felice R. Mussolini il duce, t. 2, p. 359.

правительству. «Трудно утверждать, что Муссолини, если бы не французское вмешательство в испанские дела, взял бы на себя обязательства в отношении Испании», — пишет Де Феличе. Одного подозрения в отношении французов он считает достаточным, для того чтобы оправдать итальянскую интервенцию. В то же время призывает не придавать особого значения итальянским контактам и секретным соглашениям с испанскими реакционерами, которые были достигнуты до переворота.

Де Феличе настойчиво проводит мысль о том, что, принимая решение об интервенции, итало-фашистское руководство исходило из соображений «традиционного подхода к внешней политике». И даже более того, действия Италии представлены им как превентивная мера, чтобы воспрепятствовать захвату Францией испанских аэродромов и портов. Де Феличе целиком разделяет мнение Ковердейла, что итальянские интервенты не преследовали идеологических целей, не стремились насадить в Испании фашистскую диктатуру. А заявления Муссолини об идеологической солидарности были рассчитаны исключительно на пропагандистский эффект. Антикоммунистическая аргументация использовалась лишь для того, чтобы показать правительствам Англии и Франции, на чьей стороне они могут оказаться. Под влиянием решительной политики Италии Лондон и Париж не отважились поддержать республиканское правительство, что привело к провалу попыток создания «единого фронта» Англии, Франции и СССР по испанскому вопросу.

Де Феличе пишет, что предложенная им концепция «сильно дистанцируется» от всей известной историографии по испанскому вопросу⁴³. С этим нельзя не согласиться. Однако важно выяснить, к каким результатам она приводит. Во-первых, отчетливо просматривается стремление итальянского исследователя оправдать фашистскую интервенцию против республиканской Испании, взвалить вину на Францию, бросить тень на политику республиканского правительства и СССР. Во-вторых, ссылки на «традиционный», «неидеологический» характер фашистской интервенции явно направлены против ее оценки в качестве одного из первых согласованных военно-политических мероприятий формирующегося фашистского блока.

Проблемам англо-итальянских отношений Де Феличе отводит особенно важную роль. В сжатом и тезисном виде ее можно сформулировать следующим образом. Несмотря на агрессию в Восточной Африке, фашистскую интервенцию в Испании, ось Рим — Берлин, антикоминтерновский пакт и военный союз с Германией, итало-фашистское руководство постоянно и неизменно стремилось к всеобщему соглашению с Лондоном⁴⁴.

⁴³ De Felice R. Introduzione. — In: Coverdale J. I fascisti italiani alla guerra di Spagna. Roma; Bari, 1977, p. VII—XIX.

⁴⁴ De Felice R. Alcune osservazioni..., p. 71—72.

Практически все, в том числе наиболее одиозные, анти-английские мероприятия Италии он рассматривает как средство нажима на Лондон и Париж, чтобы склонить их к соглашению с Италией. «Стаальной пакт» трактуется им как последний довод, чтобы убедить западные державы достигнуть с Италией «стратегического соглашения»⁴⁵.

В книге Де Феличе «Секретные отношения между Муссолини и Гитлером (1922—1933)» впервые увидели свет многие документы о позиции итальянского фашизма по германскому вопросу, об отношениях с нацистской партией и другими крайне правыми националистическими организациями Германии⁴⁶.

Стабильный интерес Муссолини к гитлеровской партии начинается проявляться в Риме вслед за ее первыми крупными победами на политических выборах. Де Феличе приводит документы о том, что в Риме до прихода нацистов к власти отдавали предпочтение более умеренным правым националистическим организациям, например «стальному шлему». Довольно ревнивое отношение к нацистам было вызвано предвидением неизбежного обострения между ними конкурентной борьбы за гегемонию в международном фашистском движении. Кроме того, в Риме опасались, что реализация нацистами наиболее экстремистских, особенно расистских, положений программы нанесет ущерб престижу итальянского фашизма в некоторых консервативных кругах Западной Европы и Америки⁴⁷.

Интерес в Риме к поощрению германского ревизионизма возник еще до прихода нацистов к власти. Вместе с тем, пишет Де Феличе, итало-фашистское руководство проявляло опасения в связи с великодержавными пангерманскими корнями национал-социализма, что таило немалую опасность для итальянских позиций особенно в Центральной и Юго-Восточной Европе. Документы, приводимые в исследованиях Де Феличе, дают представление о расхождениях между фашизмом и национал-социализмом во многих областях мировой политики и экономики, в подходе к расовым, религиозным, внутривнутриполитическим вопросам. Особенно делается упор на идеологические расхождения. В предисловии к одной из своих работ Де Феличе ставит вопросы: «Были (отношения между Италией и Германией.— В. М.) преимущественно *идеологическими* или прежде всего *политическими*? Ось и «стальной пакт» вписывались в логику «общей природы» двух режимов, т. е. были фатальными или являлись только политическими проявлениями, отвечавшими частным интересам, по существу тактическим, конъюнктурным... имевшим стратегическую важность в основном благодаря ряду обстоятельств, которые преломлялись через идеологию и при-

⁴⁵ De Felice R. Mussolini il duce, t. 2, p. 316—397.

⁴⁶ De Felice R. Mussolini e Hitler.

⁴⁷ Ibid., p. 172—175.

роду обоих режимов, но не настолько решительно, как это утверждалось прежде?» Здесь же Де Феличе пишет, что ответить на эти вопросы трудно⁴⁸.

Поскольку автор в ряде других работ⁴⁹ полностью исключает идеологические мотивы фашистского союза, остается предположить, что он склоняется к его политической мотивировке, тем более что для характеристики внешнеполитических действий Муссолини он часто прибегает к словам «реализм», «политический макиавеллизм». Однако для объяснения причин итало-германского военного союза он избирает третий вариант аргументации. Оказывается, истоки фашистской оси следует искать в проявившейся у Муссолини в середине 30-х гг. «психологической тенденции рассматривать историю детерминистски, развивающуюся по циклам, которые охватывают страны, идеологии и политические системы». Муссолини, вдохновленный идеями О. Шпенглера, считал преодоленным «цикл старых народов и социально-политических систем» и наступившим «цикл новых народов и революционных режимов, т. е. фашистских». Вопреки «здравому смыслу», «страху» перед Германией, эта «психологическая тенденция», по словам Де Феличе, оказывала на него «возрастающее и сильное влияние»⁵⁰.

Таким образом, Де Феличе демонстрирует как бы «двухэтажный» подход к оценке внешней политики фашизма. Все то, что с его точки зрения представляется «реалистичным», Муссолини планировал осознанно. Что не вписывается в «прокрустово ложе» его концепции «пезо детерминанте», Де Феличе относит к мистическим подсознательным силам.

Авторский волюнтаризм и противоречивость суждений особенно проявляются в оценке отдельных событий из истории итало-германских отношений. Так, вступление Италии в политический союз с Германией в октябре 1936 г. он связывает со стремлением Рима изменить политическую ситуацию, в которой оказалась Италия в результате итало-эфиопской войны, вынудить Лондон пойти на заключение всеобщего соглашения с Италией⁵¹. Обратимся к фактам. Вслед за оккупацией Аддис-Абебы в мае 1936 г. и провозглашением «империи» определилась линия Лондона и Парижа на скорейшее признание аннексии и снятие санкций с Италии. Англо-итальянские переговоры начались до установления фашистской оси Рим — Берлин. Во второй половине 1936 г. итало-германские интервенты уже разбойничали в Испании, и сам Де Феличе признает, что «поддержка Франко, в сущности, не привела к фронтальному столкнове-

⁴⁸ De Felice R. Mussolini e Hitler, p. 6.

⁴⁹ De Felice R. Alcune osservazioni..., p. 66; Idem. Mussolini il duce, t. 2, p. 306, 310, 590, 625.

⁵⁰ De Felice R. Alcune osservazioni..., p. 71.

⁵¹ Ibidem.

нию и разрыву с Англией»⁵². В свете этого можно ли говорить об англо-французской политике окружения Италии?

Далее Де Феличе пишет, что установление фашистской оси не привело к окончательному выбору на стороне Германии, поскольку это означало бы отказ от политики «пезо детерминанте», «не произошло поворота» во внешней политике Италии. Муссолини по-прежнему сохранял за собой собственное пространство для маневра и дистанцию между полюсами международного противоборства⁵³.

Мы далеки от мысли утверждать, что накануне второй мировой войны Италия превратилась в вассала Германии, что полностью была исключена возможность перехода этой страны на противоположные позиции. Рассмотрение «альтернативной ситуации» это тема специального разговора. В данном случае обращает на себя внимание, что последовательное углубление итало-германского сотрудничества (от соглашения Боккини-Гиммлера весной 1936 г. до «стального пакта» в мае 1939 г.) не подкреплялось, как известно, аналогичными или даже близкими соглашениями с «другим полюсом». Происходило это, вопреки утверждениям Де Феличе, не только «по вине» неуступчивых англичан и французов.

Де Феличе эксплуатирует несколько версий, объясняющих заключение итало-германского военного союза. Среди них версия о том, что военным союзом с Германией Муссолини стремился обуздать критиков режима, находившихся под впечатлением установления германской гегемонии в Европе. И даже такая: «Муссолини имел представление о немцах как о непримиримых противниках» и поэтому он считал «более практичным» иметь их в качестве союзников⁵⁴. Везде красной нитью проводится тезис Де Феличе о «внезапно и единолично» принятом Муссолини решении вступить в союз с Германией.

При заключении «стального пакта» Муссолини, по мнению Де Феличе, исходил из намерения не столько объединиться, сколько дистанцироваться от Германии. Объясняет он этот довольно оригинальный тезис тем, что союз с Германией усиливал роль Муссолини как «великого посредника», который мог к тому же «контролировать и сдерживать» нацистов и таким образом содействовать миру. На это якобы были направлены все усилия главы фашистского правительства в последние недели мира, когда Муссолини стремился к «переизданию» политики «пезо детерминанте»⁵⁵.

⁵² Ibid., p. 70; De Felice R. Mussolini il duce, t. 2, p. 307.

⁵³ De Felice R. Mussolini il duce, t. 2, p. 331, 339; Idem. Il problema dell'Alto Adige..., p. 15—16.

⁵⁴ De Felice R. Mussolini il duce, t. 2, p. 594—595, 625; L'Espresso, 1980, 8 giugno, p. 171.

⁵⁵ De Felice R. Mussolini il duce, t. 2, p. 597; Idem. Alcune osservazioni..., p. 72.

Наряду с широко распространенным в буржуазной историографии тезисом об экономической и военной неподготовленности Италии к вступлению в войну, Де Феличе использует свое оригинальное объяснение причин объявления Италией политики «неучастия в войне». Оказывается, Муссолини, будучи хорошо информированным о готовящемся англо-французском нападении на Советский Союз, полагал, что это автоматически приведет к ответным совместным советско-германским действиям. А вступать в войну на стороне СССР фашистская Италия не желала. Хрупкость этого построения совершенно очевидна. А вот с приведенными Де Феличе фактами о попытках Муссолини взломать советско-германский пакт о ненападении и повернуть германскую военную машину против Советского Союза, в чем действительно совпадали интересы итало-фашистского руководства и правительств Англии и Франции, нельзя не согласиться⁵⁶.

Де Феличе пишет, что Муссолини никогда не думал всерьез о вступлении в войну. Тем не менее вступление Италии в войну является историческим фактом. Как объясняет итальянский исследователь это событие? Во-первых, будто бы Муссолини в связи с предстоящим разделом добычи опасался, что Италия окажется в положении второразрядной державы; во-вторых, боялся, что иначе ее постигнет участь повергнутой Франции⁵⁷.

Прав М. Палла, когда в полемике с Де Феличе пишет, что итальянский империализм стремился избежать риска проиграть войну, но еще больше его пугала возможность остаться с пустыми руками⁵⁸.

Хотелось бы остановиться еще на одном тезисе Де Феличе. Одна из глав его многотомной биографии Муссолини названа «Муссолини между политической реальностью и мифом новой цивилизации». Возможно, в последующих своих работах Де Феличе установит более жесткую связь между мифом «новой цивилизации» и реальными фашистскими планами насаждения «нового порядка» на оккупированных территориях. Пока итальянский исследователь представляет некий романтический образ «новой цивилизации», которым грезил фашистский диктатор в своей незавершенной книге «Европа 2000». По замыслу Де Феличе, этому мифу суждено сыграть роковую роль в итальянской истории. Оказывается, именно он «разбил добрую часть реализма» Муссолини. Союз с Германией, вступление Италии в войну стали результатами «личной драмы» Муссолини — «жертвы собственного мифа»⁵⁹.

Тезис о единоличной ответственности Муссолини логически вытекает из всей исследовательской работы Де Феличе, но он

⁵⁶ L'Espresso, 1980, 8 giugno, p. 171.

⁵⁷ Ibidem; De Felice R. Mussolini il duce, t. 2, p. 171.

⁵⁸ Palla M. Mussolini il fascista numero uno, p. 48.

⁵⁹ De Felice R. Mussolini il duce, t. 2, p. 330.

не новый. Как справедливо пишет М. Палла, Муссолини не был «один виновен», а был «просто фашистом номер один», ответственным наряду с другими за катастрофу⁶⁰.

Попытки обновления буржуазных интерпретаций истории фашизма имели место и раньше, что вполне объяснимо ненадежностью их концептуального обоснования. Однако наряду с различием концептуальных подходов у них имеется и общее. В первую очередь это стремление уклониться от рассмотрения внешней политики фашизма как одного из факторов развязывания мировой войны. Итальянский фактор войны проявляется, во-первых, в общей стратегической направленности фашистской внешней политики на дестабилизацию системы международных отношений и противопоставление ей фашистского «нового мирового порядка»; во-вторых, в роли Италии как одного из инициаторов формирования агрессивного военного блока, ставившего целью вооруженный передел мира; в-третьих, в планировании и осуществлении планов «локальных» войн. А причины такой позиции Италии, как указывает марксистская наука, кроются прежде всего в особенностях развития итальянского империализма и его положения в мировой империалистической системе.

⁶⁰ P a l l a M. Mussolini il fascista numero uno, p. 49.